

ВИТАЛИЙ ДОМБРОВСКИЙ

Архилептония

*Сборник
не научной
фантастики*

e-book

Виталий Домбровский

Архилептония

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66799743

АРХИЛЕПТОНИЯ / Виталий Домбровский: Моя Строка; Санкт-

Петербург; 2021

ISBN 9785996517022

Аннотация

Сборник научно-фантастических рассказов.

Содержание

АРХИЛЕПТОНИЯ	4
Пролог	5
Назад в прошлое. Греция	12
Городок	17
Патер И	21
Ночной десант	27
Ралли	32
Православие или смерть	35
«Курс молодого бойца»	38
Монах и ангел	45
Притча	47
Модель цивилизации	51
Испытания	57
Сокровища монастыря	63
Стигмы	69
Первый контакт	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Виталий Домбровский
АРХИЛЕПТОНΙΑ
Сборник не научной
фантастики

АРХИЛЕПТОНΙΑ
повесть

Я не уверен, что человеческая раса проживёт ещё хотя бы тысячу лет, если не найдёт возможности вырваться в космос. Существует множество сценариев того, как может погибнуть всё живое на маленькой планете. Но я оптимист. Мы точно достигнем звёзд.

Стивен Хокинг

Пролог

Впервые я оказался в Архилептонии в шестнадцать лет. С перепугу ничего не понял, почти ничего не запомнил и много лет потом мучился отрывочными воспоминаниями о пережитом опыте, гадая, что же это было такое.

Дело было поздней осенью, когда уже холодно, ещё сухо, как всегда серо и привычно тоскливо. На фоне этой серости, уже хрустящих луж и первой пыльной позёмки повсюду, однако, понавешали вызывающе кроваво — красных флагов, и стало ясно, что у них скоро 7 Ноября.

Я тренировался после школы почти каждый день на стадионе за кинотеатром «Зенит», что на Таганской улице. Бегал за «Трудовые резервы». Тренировки начинались с семикилометрового разминочного кросса, потом мы растягивались как следует, а потом уже выполняли упражнения по основной специализации — я лично бегал на средние дистанции.

В тот памятный день мама сказала мне утром перед школой: «Тренировку вам, наверное, отменят. Сказали, что потеплеет и к вечеру ожидают дождь. Если придёшь раньше со школы, сходи в гастроном за хлебом. Мелочь на телевизоре».

Мама была и права, и не права: потеплело, за клубились тяжёлые облака, и вскоре на город обрушился ледяной

отрезвляющий дождь. Но тренировку не отменили. Вячеслав Петрович — ему тогда, наверное, было чуть больше тридцати — снял нас с кросса и уже мокрых загнал в помещение спортивной школы. Он и сам страшно не любил тренировки в зале.

«Куда бежать — то бегуну в зале?» — всегда шутил он.

Но сегодня выбора не было. Не гонять же как идиотам под дождём!

Мы поскидывали с себя мокрые тренировочные костюмы и приготовились к очередному приколу — Петрович любил неожиданные повороты в тренировочном процессе. Последний раз в зале он нас, бегунов, заставил толкать ядра, и над нами ржали огромные девки ядротолкательницы — молотометательницы. А до этого было как — то раз, что он повесил нас на гимнастические кольца, и тогда над нами ржали мелкорослые плечистые гимнасты. Но мы не обижались! Всё равно мы были элитой.

«Лёгкая атлетика — королева спорта!» — бывало, говорил Петрович, выдавая нам дефицитные пумовские шиповки, которые в те времена были почти на вес золота.

Сегодня Петрович внимательно огляделся, и его хитрая конопатая физиономия осветилась откровенно садистской улыбкой, когда он узрел прыжковую яму, заполненную кусками цветного поролона, а вокруг неё — никого. Мы поняли: будем прыгать. Просто прыгать в длину для нас было не ново: это входило в нашу подготовку. Мы расслабились, но

ненадолго. Оказалось — мы будем прыгать в длину и в высоту одновременно. Почему в длину — чтобы сохранить естественный соревновательный элемент: кто дальше. Этот «Кто дальше» всегда от Петровича получал 50 копеек на пять стаканов молочного коктейля и угощал этим коктейлем после тренировки своих товарищей. А вот прыгать одновременно в высоту оказалось просто необходимо, так как в прыжок Петрович добавил сальто. Чтобы сальто успешно завершить и приземлиться на ноги, надо было лететь и далеко, и высоко, и сгруппироваться правильно, что мы никогда не делали, не умели, а только видели, как это делают гимнасты. Отказаться — значило расстроить Петровича, выставить себя слабаками или лентяями, каковыми мы не были.

Надо отдать ему должное — Петрович разрешил установить перед ямой подкидной гимнастический мостик, что, конечно, облегчало задачу. Но мы не владели своими телами так, как это умели гимнасты, и самым сложным для нас оставалось выполнить сальто. Петрович, как молодой, прыгнул для примера сам. Великолепно сгруппировался, сделал сальто, приземлился на поролон ногами и остался очень доволен и дальностью полёта, и своей сохранившейся сноровкой. Мы за него порадовались, а сами занервничали. Ему хорошо, он заслуженный мастер спорта. А мы кто? Перворазрядники, кандидаты в мастера. И мы бегуны, а не цирковые акробаты!

Кто — то робко высказал сомнения, и тогда Петрович включил подачу теории, что мы страшно не любили и счи-

тали хоть и полезным, но весьма занудным времяпровождением. Петрович объяснил всё в деталях и особенно уделил внимание прижиму колен в полёте ко лбу и обхвату ног руками — то есть группировке. Ребята начали пробовать. Я, как самый трус, сначала присматривался, но очередь подошла, и деваться было некуда. Во всех моих спортивных достижениях всегда выручала если не сила, которой у меня не было, то выносливость и воля к победе. На воле я побеждал, обгоняя более сильных бегунов. Волю свою я осознанно тренировал и считал силу мысли не менее важной и полезной, чем силу мышц.

Я умел сосредотачиваться. Это было важное качество для спортсмена, и я им активно пользовался, порой удивляя результатами и тренеров, и товарищей — конкурентов. Вот и теперь я выслушал Петровича, встал на разбег и сосредоточился, мысленно представляя себе в деталях самый сложный для меня элемент прыжка — группировку тела в полёте.

Я никогда не делал сальто, но видел много раз, как прыгают другие. Я представил самого себя правильно сгруппировавшегося: колени на лбу, руки в обхват согнутых и прижатых к телу ног. Хлопок (это Петрович хлопнул в ладони), затем — короткая команда «Пошёл!».

Я разбежался, последним шагом мощно оттолкнулся от подкидного мостика, великолепно сгруппировался, меня закрутило, и я полетел. Потом оказалось, что я, не имея опыта, перекрутил немного, не успел раскрыться и упал в яму не

ногами, а головой, к которой были прижаты мои собственные колени. И приземлился в яму, видимо, уже без сознания — так сильно расстарался, что стукнул сам себя в лоб коленями. Это было моё первое в жизни и, слава богу, последнее сотрясение мозга.

Случай этот стал пересказываемым курьёзом нашей спортивной школы. А моя жизнь тайно изменилась навсегда, потому что, открыв глаза, я увидев склонившихся над собой товарищей и тренера, но ясно вспомнил и понял, что только что за мгновение до этого я тоже видел всех нас со стороны. В то же время вокруг меня оказались какие — то чужие люди, а я сам стоял на подкидном мостике, как будто и не прыгал вовсе. Люди вокруг не были подростками — спортсменами: они явно здесь были чужими. Прозрачны и бестелесны, все разного размера. Незнакомцы издавали узнаваемые звуки на разные голоса.

Я успел испугаться. Просто испугаться, как это бывает в кошмарных снах. Но, к сожалению, не успел получше всё рассмотреть. Потому что пришёл в себя: это Петрович больно щипал меня за щёки. А товарищи столпились вокруг и смотрели сверху вниз с укором.

С этим воспоминанием, которое мозг мой зачем — то хранил и никак не хотел отпускать, я и прожил много лет, успев стать врачом, жениться, обзавестись детьми, эмигрировать, пожить полной грудью и повидать разного.

Все эти годы я всё гадал и всячески прикладывал к стран-

ным воспоминаниям различные медицинские ярлыки, всё больше психиатрического свойства, удивляясь самому себе, будучи уверенным, что действительно увидел и ощутил что — то необычное в момент той курьёзной травмы, — такими реальными мне тогда показались эти аморфные человекоподобные образы вокруг меня и моих товарищей.

Я изучил все тексты и упоминания о жизни после смерти, о всех случаях описываемого отделения души от тела, просмотрел в интернете все ссылки на подобные случаи на всех доступных мне языках, все комментарии и разоблачения — и ничего близкого по описанию не нашёл. Не было у меня никаких тоннелей, никакого света в конце этого тоннеля, никакого лица Бога или ещё чего — то подобного. Да и клинической смерти у меня не было. Подумаешь, небольшое сотрясение мозга, потеря сознания на несколько секунд! У спортсменов такое происходит сплошь и рядом. Мои сравнения всё больше убеждали меня, что я наблюдал что — то другое. Единственное, что совпадало в моём случае со всеми изученными описаниями, — наблюдение за картиной происходящего как бы со стороны.

Я хранил тайну и ни с кем ею не делился. Возвращался к этой теме всё реже, изредка наталкиваясь на новые информационные источники. Тем временем уже в двадцать первом веке кинематограф, фантастическая литература и интернет создали тысячи вариаций на тему потусторонней жизни, и стало казаться: человечество уже везде побывало, всё знает,

всё видело, всё теперь ясно и понятно, и придумать ничего нового невозможно. Потому что всё уже есть — просто обычному человеку пока во все эти миры не попасть.

Ха — ха! Нужен как минимум логин и пароль!

Так реалистичны были эти романы, повести, фильмы и игры! Как будто режиссёры и писатели, креаторы и дизайнеры сами побывали там и теперь просто хотят рассказать нам, грешным и заземлённым людишкам, что они, приближённые и ангелоподобные VIP, видели и знают и чем они, если мы заплатим немного денег, уж так и быть, с нами поделятся.

Виртуальная субкультура, подстроенная под самые низменные человеческие страсти и страхи, захватила информационное пространство, постепенно вытесняя тысячелетние принципы морали и подминая под себя всё рациональное, разумное, доброе. Я следил за этой вакханалией злобной фантастики, вырвавшейся с бумажных страниц на экраны телевизоров, мониторы компьютеров и мобильных, ностальгируя по Брэдбери, Стругацким, Азимову, пытаюсь хоть где — то, хоть как — то разглядеть что — нибудь подобное моим собственным воспоминаниям о параллельной действительности. Всё тщетно! Ничего подобного никто не описывал, не показывал и, соответственно, не продавал.

Все эти мои исследования и наблюдения продолжались до тех пор, пока я не оказался в Архилептонии снова, но уже не случайно и без всяких для себя болезненных последствий.

Назад в прошлое. Греция

Сама жизнь, с её непредсказуемыми поворотами и хитро-сплетениями причин и последствий, направила меня в Грецию, на Афонский полуостров. Искать ответы. Просить о помощи.

Так уж получилось, что я сам не выбирал какой — то определённый монастырь целью своего путешествия, — просто школьная подруга моей жены и по совместительству крёстная мама моих старших детей, живущая в Греции, знала одного из батюшек «на выезде», русскоязычного монаха, имеющего связи в одном из древнейших монастырей полуострова. Он — то и помог мне и моему заблудившемуся младшему брату попасть в этот закрытый и почти таинственный тысячелетний монастырь, осознанно живущий особняком и противопоставляющий себя остальному Афонскому государству, уже вкусившему сладостный дурман туристического бизнеса со всеми его прелестями и последствиями. Звон монеты уже заглушил звон многих афонских колоколов, но монастырь, в который я решил отправиться, пошёл своим путём, отказавшись от любопытных туристов, электричества, интернета и многого другого, от чего не смогли отказаться другие монастыри.

Мы с братом купили билеты, посидели на дорожку, расцеловались с нашими женщинами, пересекли Атлантику и ока-

зались на земле Гиппократы и Гомера, Архимеда и Сократа, древних спартанцев и Александра Великого. Жара, солнце и воздух, пахнувший кипарисами и эвкалиптом, — всё обрушилось на нас разом.

В Салониках встретила крестная со своим младшим сыном и вскоре передала из рук в руки двум специально при­мчавшимся с Халкидики грекам, которые и должны были доставить нас в городок на границе с Афонским полуостровом.

Мы были поражены красотой и нищетой современной Греции! Красота и бедность гармонировали и дополняли друг друга повсюду.

Оба наших гида были постоянными паломниками в монастыре. Оказалось, что настоятель отправил их за нами в такую даль, чтобы привезти нас в городок, откуда ночными тропами можно было нелегально проникнуть на территорию Афонского государства. Очевидно, для этих ребят такое поручение было очень ответственным и почётным. В будний день среди недели они бросили свою работу (не уверен, что она у них была) и семьи, чтобы доставить гостей из далёкой страны в братскую обитель монастыря.

Наши спутники были очень заботливы и учтивы, пытались нам что — то показывать вокруг и комментировать окружающие пейзажи, много говорили. Мы почти ничего не понимали, потому что умели говорить на нескольких языках, но только не на греческом.

Мы неслись на стареньком пежо по выжженным солнцем

дорогам, не совсем ещё понимая, куда мы едем и когда приедем. Было забавно наблюдать наших гидов. Впоследствии, уже в монастыре, я узнал о них больше. А сейчас, в дороге, подумал, что их образы полностью совпадали с моими представлениями о «настоящих» греках. Потому что греки, которых я знал, были не совсем такими. Или совсем не такими. Североамериканские греки такие же, как и все их сограждане. Спокойные, устроенные, деловые, белокожие, скромно одетые, ничем не отличающиеся от итальянцев, шотландцев, русских, евреев, румын, поляков или даже китайцев — любят собачек, много работают, смотрят хоккей, стригут травку вокруг домов, откапывают свои машины зимой из — под снега, утром добираются до работы с картонным стаканчиком кофе в руке, вечером тащат детей на спорт. Современная жизнь накладывает на нас клише поведения, взгляда, реакций на обстоятельства, манеры одеваться.

Здесь было совсем другое! Наши спутники как будто прыгнули со страниц читаной — перечитаной и многими любимой книги «Легенды и мифы Древней Греции» и предстали перед нами во всём своём колорите и великолепии. Только копий и щитов им не хватало!

Водитель, лет 30–35, был бородат, обладал бесподобным орлиным носом, огромными горящими глазами и гривой чёрных волос. Он был среднего роста, силён, подтянут и, судя по одежде, очень беден. Его товарищ был почти славянского типа парень: светлые глаза, некрупный правильный

нос, русые волосы. Немного помоложе, одет в камуфляжные штаны, футболку и военные ботинки, щупловат, но жилист и быстр. Оба наших героя были почти чёрными от загара аборигенами. В кассетнике их старенького пежо крутилась кассета с песнями на греческом языке без оркестрового сопровождения. Вскоре, когда освоились с тряской, невыносимой жарой и пылью, мы с братом врубилась: вместо современной музыки или хотя бы местного радио они постоянно крутят в машине церковное песнопение! Это было первым и не последним открытием, повергшим нас в глубокое удивление на этой земле.

Наши новые товарищи крутились на передних сиденьях, всячески стараясь проявить уважение и заботу. Возложенную на них миссию они выполняли с такой искренней радостью, что можно было подумать, они встретили в аэропорту и теперь везут домой родных братьев, которых не видели много лет. Постоянно говорили и что — то нам объясняли, указывая то на холмы с масличными садами, то на выжженные скалы, то на какие — то индустриальные запылённые и заброшенные полуруины, городки и посёлки в стороне от дороги, монастыри и отдельно стоящие церкви на холмах.

Они очень старались передать своим чудовищно ограниченным английским лексиконом, что мы видим по сторонам, путешествуя из Салоник к Афонскому полуострову. И мы, как ни странно, поняли их! И честно прониклись.

Главной мыслью, которую они пытались донести до нас,

была мысль о том, как они любят эту землю!

Городок

Дорога из Салоник до городка заняла у нас тогда часов пять. Это было ужасно! Жарко, пыльно, потно. Позже, когда я стал возвращаться сюда один или с семьёй на рентованной машине, на маршрут уходило не больше двух часов. В какой — то момент я понял, что наши гиды — эллины просто объезжали прекрасные платные автобаны, которые здесь им понастроили немцы, чтобы не платить за проезд, так как платить им просто было нечем. Мы вдоволь покрутились по заброшенным горным серпантинам и налюбовались дикой красотой здешних мест.

Перед самым приездом в точку назначения мы заехали в городок Иерисос и выбрали ещё троих паломников, с которыми наши товарищи, видимо, были прекрасно знакомы, — огромного толстого старика с клюкой и двух его сыновей моего возраста. Старик, оказалось, немного шпребал по — английски и объяснил, что они тоже идут в монастырь на выходные. Так, всемером в четырёхместном, надрывающемся от натуги пежо, мы и отправились дальше. Благо что от Иерисоса до городка, по словам новых пассажиров, уже было недалеко.

По пути между Иерисосом и городком мы остановились у какой — то часовни, и все наши спутники, увлекая нас за руки за собой, бросились скорее внутрь, крестясь и отби-

вая счастливые поклоны. Оказалось, это сооружение было воздвигнуто две тысячи лет назад на том месте, где, скрываясь от преследования тогда ещё не крещёных греков, апостол Павел ушёл по подземным естественным катакомбам от верной смерти и вышел к морю за несколько километров отсюда. Так нам объяснил толстый старик. В часовне в отдельном боковом проходе стояла вода по щиколотку, которую, крестясь, испили все мы, зачерпывая ладонью с колена. Тут и начинался маршрут апостола Павла, о котором я уже знал, так как немного изучил христианскую тематику с позиции исторического объективизма. Знал, что звали его в догреческий период не Павлом, а Шаулем, он сам в своё время преследовал первых христиан, был воинствующим фарисеем, но по пути в Дамаск был ослеплён яркой вспышкой с небес, услышал голос Иисуса и уверовал в него.

Интересно, какую дурь они тогда курили?..

Короткое пребывание в этом месте поразило меня снова. Это был уже второй случай после обнаружения церковного песнопения в радиомангитоле нашего пежо. Необычным было всё. Удивительная прохлада внутри часовни. Ощущение отдохновения и покоя, снисходящее на тебя после изнуряющей жары, преследовавшей нас всё путешествие. Никогда не запираемые двери часовни, несмотря на наличие явных материальных ценностей внутри. Тут я вспомнил заброшенные и разграбленные дочиста церкви Костромской области, которые мы облазили с женой, путешествуя по тем местам

ещё до свадьбы. Здесь же были и древние иконы, и укрытый сусальным золотом иконостас, и много денег, оставленных случайными прихожанами. Никому и в голову, наверное, не приходило позариться на святое добро. Воистину православная страна!

А ещё нас поразила вода в боковом проходе уходящего под землю тоннеля. Она оказалась очень вкусной. Мы черпали её ладонями под светом мобильных прямо со ступеней в начале тоннеля. Тут, наверное, было неглубоко, но ступать в эту воду уже много лет никто не осмеливался из трепетного уважения к событиям двухтысячелетней давности. Вода была как будто сладковатая и такая свежая, что просто захватывало дух!

Полуанглофонный старик долго подбирал слова и всё — таки смог нам объяснить, что греческие учёные когда — то налили в эту воду специальный пигмент и проследили маршрут его движения: пигмент вышел в скалах на берегу моря на Афонском полуострове, что подтверждает историю бегства Павла от преследователей и его спасения. Наши спутники были невероятно горды этой короткой экскурсией. И, казалось, даже не тем, что показали нам эту часовню, а больше самим фактом, что им удалось в суматохе дел лишний раз забежать сюда и испить святой воды.

Городок оказался очаровательным селением на крутом склоне у моря — десять улиц вдоль моря, десять улиц поперёк — от моря вверх по холму. Нас привезли к боль-

шому двухэтажному белому и на вид очень бедному дому, над которым развивалось два флага — чёрный и жёлтый. Оказалось, это флаги православия и самого монастыря. Этот дом принадлежал монастырю и фактически был бесплатной гостиницей: сюда приходили паломники, могли ночевать здесь, а если надо — жить несколько дней, и отсюда они уходили с ночным провожатым в монастырь.

Городок малоприметен на карте, и имя его, наверное, мало кому известно. Как утверждают местные жители, он расположен именно в той бухте, в которую когда — то вошли корабли персидского царя Ксеркса и где в первой атаке они были отбиты и сожжены спартанцами, то есть греческим спецназом тех далёких времён.

Хозяиничал в монастырском доме отец И, и мы в очередной раз были изумлены, узнав этого человека поближе, а впоследствии услышав от него самого и от людей детали его монашества и домонашеской жизни.

Патер И

Патер И был когда — то в миру владельцем двух крупных ювелирных фабрик в Салониках. Семь собственных вилл, четыре BMW, связи, деньги, поездки за границу и так далее. Сколько это могло продолжаться? Возможно, вечно.

Но он перестал спать.

Как он мне впоследствии сам рассказывал — перестал спать совсем. Не от страха, не от тревог. Он просто постоянно думал только о деньгах. Ложился в постель с женой и продолжал думать о деньгах. Ел и вновь думал о деньгах. Он жил и думал только о деньгах.

За годы, отданные работе, оказалось, что у него уже выросли и повзрослели дети. А он и не заметил.

За это время его жена незаметно превратилась в чужую сварливую женщину, требующую всё больше денег от него, друзья молодости куда — то испарились, а новыми друзьями оказались банкиры, салоницкая мафия и начальники всех мастей и сортов, включая шефа полиции.

Рассказывая длинную историю коротко, просто констатирую факт. Однажды он вызвал к себе детей, отдал дочери ключ от одной ювелирной фабрики, сыну — ключ от другой фабрики и, не попрощавшись с женой, ушёл в монастырь, где вскоре принял монашество под именем Патер И.

Когда мы познакомились, это был старше меня лет на де-

сять высокий сухой сильный мужчина в обтрёпанных чёрных монастырских одеждах, с кудрявой рыжеватой бородой, орлиным носом и весёлыми, с хитринкой, умными глазами. Абсолютно счастливый на своём месте. Он не выпускал мобильник из рук и когда не говорил, то нараспев, как поют частушки, припевал церковные песнопения. От него мы и услышали впервые главное слово на этой земле — *εὐλογία*. Евлогия. Благословение.

Он приветствовал этим словом всех и каждого.

Искренне.

От души.

Позднее, когда оставил брата в монастыре и вернулся в городок дожидаться вылета домой, я поближе узнал этого человека и проникся к нему уважением и симпатией. Я прожил рядом с ним в монастырском доме дней десять, мы делили хлеб и вместе работали, когда я не был занят своей основной работой на компьютере, управляя компанией из кафе на берегу, где только и можно было подключиться к интернету.

Мы встречали и провожали паломников, гоняли по окрестностям на его старом и таком же чёрном, как он сам, форде — пикапе по всем его многочисленным делам. И знаете что? Я убедился, что он искренне верит в Бога и что странная суматошная жизнь в этом огромном доме, которая дана была ему как послушание, нисколько не мешает ему быть настоящим воином монашеского братства. Просто он, как разведчик далеко в тылу врага за линией фронта, должен обо

всём знать, вовремя приносить информацию командованию, никого не раздражать и постараться не быть убитым.

Таков был Патер И. Он спал по три часа в сутки. Молился столько же, сколько это делают в монастыре. Остальное время он работал: встречал и провожал паломников, обеспечивал их быт и питание, собирал по окрестностям грузы и отправлял эти грузы ночными контрабандными тропами через горы или официально с кораблём из порта Иерисоса, в монастырь.

Он был очень забавным. Одевался как оборванец (домокроенная, состроченная на старом «Зингере» и уже неприлично поношенная ряса, чёрная шапочка набекрень). Высокий, худой, вечно напевающий псалмы и одновременно говорящий по мобильнику. Этот мобильник и эти песни я не забуду никогда — так они меня напугали, когда я поехал с ним по делам первый раз.

Этот парень иногда вёл машину ногами. Подруливая коленями!

Первый раз я чуть не схватился за руль и стал рефлекторно искать педаль тормоза с пассажирского сиденья грузовичка. Дело было так. Мы покатали рано утром на молочную ферму забрать десяток вёдер со свежей брынзой для отправки в монастырь кораблём. Сначала должны были заскочить на почту в Иерисосе и помчались, соответственно, по горам в том направлении. Патер И неустанно трепался по телефону, держа его в левой руке, а правой рулил и переключал пе-

передачи (ручная коробка передач). Всё это на огромной скорости по извилистому горному серпантину и на старом разбитом пикапе. Он, кстати, никогда не пристёгивался! Вдруг мы выскочили на склон холма, где с правой стороны дороги в тени огромных эвкалиптов мирно пряталась та самая часовня апостола Павла, куда нас завозили паломники по дороге в городок.

И тут... Патер И стал креститься правой рукой, удерживая мобильник у левого уха левой и руля коленями. Я приготовился к худшему! Худшего не произошло. Как не произошло и все последующие разы, когда мы проскакивали мимо этого места на машине. Заговорённые они тут, что ли?

Много позже я убедился, что они вовсе не заговорённые, — просто за ними присматривают, помогают им, охраняют их... Кто?

Да тот, кому они служат.

...Патер И не ожидал увидеть среди паломников иностранцев: его, оказывается, никто не предупредил. У него с остальными паломниками, собравшимися в монастырь, произошла какая — то беседа, ведь оказалось, что проводники могут взять с собой только пять человек, а нас тут всех собралось десять. Они погалдели немного, перекурили эту проблему, запили её не торопясь потрясающим кофе, заваренным самим хозяином, и сами определили, кому идти. Нас, из уважения к проделанному нами трансконтинентальному перелёту и гостевому статусу, оставили, а полуангло-

фонный старик с сыновьями и ещё кто — то самоустранились, тем более что старик почувствовал себя неважно и всё жаловался, что сегодня слишком жарко, у него ноет сердце и он не уверен, что сможет карабкаться по горам без последствий для здоровья. От группы отделились и наши гиды. Они не стали дожидаться вечера, бросили свой несчастный пежо у ворот дома, собрали скромные рюкзаки и ушли на полуостров пешком. Видимо, им было не впервой.

К вечеру посвежело. С балкона монастырской гостиницы мы видели море.

Мягкий бриз зашелестел в кронах лимонных и гранатовых деревьев и донёс до нас запах. Так хотелось сорваться с места и побежать к морю. Но мы здесь были не для этого. И нам сейчас было неуютно среди этих странных чужих мужчин. Я, конечно, виду не подавал, а брат всё косился на галдящих эллинов, возможно пытаюсь угадать, что ждёт его самого в том монастыре, в котором, по задумке семьи, ему предстояло остаться надолго. Ведь обратный билет на самолёт у него только через три месяца, и изменить что — либо уже было невозможно.

Мы знали, что нас поведут в монастырь ночью. Однако не очень ещё понимали почему, и никто не мог нам тогда этого объяснить. Впоследствии мы узнали, что верховные власти полуострова просто не дают паломникам визу, если те заявляют, что намереваются посетить именно этот опальный монастырь. Вот и ведут монахи контрабандными тропами вер-

ных паломников, нагружая их тюками со всяким скарбом, которым Патер И запасается в миру и отправляет из цивилизации в монастырь по ночам для поддержания монастырского хозяйства и жизнеобеспечения братства.

С наступлением темноты греки поутихли, каждый задумался о своём... Под предводительством Патера И отчитали все вместе вечернюю молитву (мы постояли из уважения рядом).

А почти в полночь началась фантасмагория!

Ночной десант

К забору монастырского дома с выключенными фарами тихо подкатил грузовичок. Из него выбрались два молодых монаха в чёрных одеяниях, и в доме закипела работа. Все засуетились и, не поднимая шума, под руководством Патера И потащили прямо со двора в грузовичок всякое заранее приготовленное барахло в мешках и коробках. Пикапчик загрузили за пять минут, и он мгновенно исчез, также не включая фар. Патер И приказал всем забираться в его форд, сам прыгнул за руль, и мы покатали. Я пытался что — то спросить у других паломников, но Патер И зашипел, требуя полнейшей тишины. Вот так мы, как десантники — диверсанты, прокатились по мирно спящему городку и за околицей подъехали под самый забор из сетки — рабицы, за которым нас ждало государство в государстве — Афон.

Там уже молча разгружали пикап те монахи, которые забрали барахло. Им помогали откуда — то появившиеся ещё двое. Мы едва успели выбраться из машины и похватать из неё пожитки, как Патер И молча укатил на своём грузовичке, а двое других монахов — на своём. Мы остались в полной темноте прямо на берегу моря у забора, разделяющего грешную землю от земли святой с ещё не знакомыми нам двумя монахами и тремя греками — паломниками.

Всё это походило на хорошо продуманную военную опе-

рацию. Я хотел было что — то спросить, но один монах вежливо поднёс палец к моему рту и указал сначала в сторону огней соседних домов, что были на краю городка от нас метрах в пятидесяти, а потом на рваную дыру в сетчатом заборе. Он жестом велел собирать всё, что валялось на земле. Мы навьючились как могли и полезли в дыру, помогая друг другу.

Я с перепугу и от усердия не только схватил свою тяжеленную сумку, но и потащил за верёвочные петли какой — то огромный металлический баллон. Один монах подхватил петли с другой стороны, и мы, перебравшись через отверстие в заборе, зашагали по тропинке вдоль моря. Картина вокруг оказалась достойная описания. Слева — тёплое Эгейское море. Полный и беспрецедентный штиль! Справа громоздились невысокие горы, густо поросшие растительностью. Мы брели по узкой береговой линии, похрустывая крупной галькой: хрусть — хрусть. Было очень светло — так хорошо трудилась луна и огромные бесчисленные звёзды. Млечный Путь сиял так ярко и близко, будто специально был подвешен тут, чтобы освещать Грецию по ночам. Удивительная, почти волшебная красота!

Неожиданно путь нам преградила чёрная отвесная скала, уходящая в воду. Дальше ходу не было. Тропинка круто свернула вправо и поползла градусов под сорок пять вверх по склону. Монах показал рукой наверх, и мы стали карабкаться. Надо признаться, я с трудом одолел этот подъём. Там

было метров двести. В этом месте скала затеняла тропу от естественного освещения. В абсолютной темноте неясно было, куда поставить ногу, потому что нависающие над тропинкой кусты и деревья гасили рассеянный лунный свет.

Груз у меня оказался неподъёмный. По такому склону и без груза было почти не пройти — только ползти на карачках, иначе свалишься назад. Мы все дышали как загнанные лошади и обливались потом. Хотелось упасть и больше не вставать. Трудно было поднять самого себя, а уж подтянуть груз — вообще почти невозможно. Мне кажется, я выдержал этот подъём с металлическим баллоном только, как всегда, на силе воли и только потому, что брат был рядом. Я не мог ему показать, как мне невыносимо тяжело. Он тоже старался изо всех сил. Но ему было двадцать три. А мне намного больше.

Подъём закончился, и мы оказались на небольшом плато под следующей горой. Все лежали пластом, и молодые монахи тоже. Тот, с которым мы делили металлический баллон, смотрел на меня с уважением: видимо, не ожидал, что я такой сильный и упрямый. Он сосредоточился и, немного отдышавшись, сумел соединить в один вопрос три английских слова — спросил, как меня зовут. Я ответил. Он повторил моё имя на греческий ортодоксальный манер с добавлением окончания «ос». Я подтвердил кивком. Монах остался доволен.

Здесь монахи вдруг зажгли фонарики на головах: уже не надо было бояться быть замеченными. Они что — то стали

нам с братом объяснять, но по — гречески, и мы ничего не поняли. Тогда они просто усадили нас на тюки и вдруг исчезли в темноте вместе с другими тремя паломниками, оставив нас в полном недоумении.

Это был настоящий экстрим.

Брат явно испугался. Мы не знали, что будет, когда все вернутся, можно ли отойти в сторону без риска свалиться с горы или быть укушенным змеёй и чем нам вообще теперь заниматься. Всё колотилось внутри, хотелось пить, но воды не было. Хотелось лечь — но лечь было некуда. Нутро дрожало и ныло от усталости.

Тут я вспомнил о мобильниках, и мы позвонили домой.

Вот это настоящий сюрреализм! Как звонок в другое измерение.

Мы сидели с братом одни на горе где — то в Греции, время полвторого ночи, а мы полумёртвые от усталости, перепуганные и заинтригованные звонили домой, где сейчас был ранний вечер, телик, прогулка с собакой и так далее. Моя жена так обрадовалась нашему звонку, что я даже на секунду забыл об усталости. Мы всё ей рассказали, но понять наши ощущения она, конечно же, не смогла бы. Да нам и не надо было. Потом позвонили маме. У неё было то же время, что и здесь. Она не стала будить папу. Брат поговорил с мамой и, кажется, немного успокоился. А то по вопросам, которые он мне неустанно задавал, и по интонации можно было подумать, что такое захватывающее начало нашего путешествия

в православный мир его напугало почти до икоты.

Ралли

Прошло больше получаса, и мы услышали звук автомобильного двигателя: на нас задним ходом выкатился огромный внедорожник. Из него полезли наши знакомые монахи и греки — паломники, некогда исчезнувшие в темноте. Оказалось, что площадка, на которой мы сидим, — это тупик какой — то старой горной дороги, а вся группа ушла за машиной, чтобы пригнать её сюда и подобрать нас со всем добром. Это было частью ночной операции, частью плана. Мне вспомнились какие — то приключенческие боевики, где герои шарились по горным джунглям Колумбии на джипах. Только вот дождя и стрельбы не хватало для полного соответствия!

Мы погрузились во внедорожник. Часть вещей увязали на крышу, сами устроились в салоне, обнявшись с тюками, сумками и коробками. Это надо было видеть. Лендровер 56 года! В кабине, как в вагоне, стояли скамейки вдоль стен. Такого путешествия я и представить не мог! Мы тронулись, и тогда я понял, что, если не погибнем, это будет настоящим чудом. Если нас не стошнит друг на друга, это будет чудом. Если мы куда — нибудь всё — таки доедем, это тоже будет чудом!

Мы двигались со скоростью пешехода по какой — то тропе, больше похожей на козью, почти карабкаясь по горам на

этом удивительном вездеходе. В каких — то местах молодой монах за рулём давал команду, и все перекатывались на сторону вместе с вещами — чтобы уравнивать критически накренившийся автомобиль и предотвратить падение в пропасть. И это всё ночью! Подвеска хрустела и скрипела. Нас тошнило. А водитель, представьте себе, пел! Где — то на полпути я понял, что он поёт молитву. Ну да, конечно! Они все тут только это и поют...

И мы доехали!

Путешествие продлилось больше часа. И к концу его гарантированно у двух пассажиров не осталось и сомнения, что чудеса таки бывают, а молитва — наверное, единственное, что нас спасло. Впоследствии я узнал, что это почти ежедневный маршрут двух молодых монахов. Это их послушание, на которое благословил настоятель монастыря, и все братья знают, что с ними и пассажирами никогда и ничего не случится.

На следующий день при свете я рассмотрел этот лендровер и заглянул под него. На правом переднем колесе был почти разрушен подшипник и мне как опытному водителю стало очевидно, что ступица может подломиться, а колесо — отвалиться в любой момент и даже на гладком шоссе. Я указал на этот вопиющий дефект монаху — водителю, тот улыбнулся и стал мне что — то объяснять. Всё, что я понял, — никто это сейчас чинить не собирается. Да и запчастей не найти.

Так вот — в конце нашего ночного горного ралли мы прибыли в монастырь. В свете налобных фонариков и керосиновых ламп нас провели через тёмные каменные коридоры и открыли нам одну из келий, где стояли две железные кровати и в углу ютилась крошечная дровяная печурка. Электричества в монастыре не было. Нам оставили один налобный фонарик, размашисто перекрестили и пожелали спокойной ночи.

Здесь мы с братом и разместились, разбросав свои измождённые конечности по койкам. Было около четырёх утра. Мы прикрыли глаза и, наверное, задремали бы, но вскоре по монастырскому двору зашагал монах — побудчик, застучал в свою деревянную колотушку, и в монастыре ожила жизнь. Монахи просыпались после короткого сна, чтобы поспешить до рассвета на утреннюю молитву, которая, как потом оказалось, продолжается у них не меньше пяти часов кряду.

Мы выглянули в окно, в котором не было рамы со стёклами, и увидели, как со всех сторон огромного каменного колодца слетаются в центр монастырского двора светлячки, — это чёрные монахи со своими лампочками на лбах собирались у двери церкви, что посередине двора. Вот их уже несколько десятков. Рой светлячков...

Православие или смерть

Зазвонили колокола, да так, оказалось, сладко!

Неземной звон отражался от тысячелетних стен монастыря и чёрной горы, под которой он был воздвигнут, множился, заполнял всё вокруг и уходил дальше в море на восток, чтобы прославить Творца, разбудить Солнце и поприветствовать его приход. Мы заворожённо наблюдали эту картину несколько минут, как вдруг кто — то постучал в дверь и на пороге объявился невысокий щуплый монах с огромной седой бородой почти до пояса и керосиновой лампой в руках. Он махнул нам рукой и по — русски, но с акцентом сказал: «Здравствуйте. Пошли со мной».

Это оказался монах — чеченец. Местный иконописец, с, очевидно, популярным среди монахов именем — его тоже звали Патер И.

Мы стали впоследствии звать его «Патер И Номер Два». Стало ясно, что нас ждали. И уже взяли над нами опеку.

Приключения только начинались.

Монастырь представлял собой древнюю крепость, построенную по канонам фортификационного искусства. Вокруг труднодоступные горы и скалы и море без пляжей, но оборудованное тесной бухтой для кораблей и лодок. Замкнутый колодец зданий прямоугольной формы в три этажа и больше, гигантские бронированные ворота — со стороны

моря и со стороны горы, — крепостные стены, бойницы и так далее. Историю монастыря можно узнать в «Википедии». Но о сегодняшней его жизни, быте, философии и тайнах не узнать ниоткуда.

На внешней стене крепости, обращённой к морю, на огромной высоте был натянут чёрный флаг, по размерам сравнимый только с транспарантами времён моего детства — когда над Красной площадью перед ноябрьскими праздниками на дирижаблях поднимали и растягивали портрет Ленина, подсвечиваемый по ночам прожекторами. Наверное, чтобы он заменял людям Бога и присматривал за паствой свысока.

Здесь же, на флаге, монахи белыми буквами начертали свой главный лозунг, квинтэссенцию всей своей философии и смысла жизни, — *Ορθοδοξία ή θάνατος*.

Православие или смерть.

Вот так лаконично и безапелляционно они объявили всему миру о своей позиции.

Мы, конечно, заинтересовались этим явлением и впоследствии много узнали об этом странном месте. Об этих странных людях, их вере, страданиях, счастье и своеобразном ежедневном героизме.

Мы узнали и уважали их беспрецедентно. И поняли, что готовы объявить всему остальному миру: этот монастырь — один из немногих оставшихся на планете очагов истинной, безусловной и бескорыстной веры и спиритуальной практи-

ки, свидетелями которой мы стали.

Источник богопознания и ворота в тот мир, о существовании которого мы зачастую даже не подозреваем.

А для меня это стало местом, где я снова попал в Архилептонию и вскоре был вынужден решать: остаться в ней навсегда или вернуться к любимым.

«Курс молодого бойца»

Для нас, мирян, не привыкших к отправлению религиозных обрядов или тем более осознанному участию в церковных службах, каждый день в монастыре стал испытанием на стойкость и выносливость; проверкой, насколько сильно было наше желание хотя бы на короткий срок присоединиться к этому чёрному суровому братству и попытаться с ними решить наболевшие вопросы и проблемы.

Сначала нами, конечно, двигал эгоизм: мы просто искали помощи. Но вскоре возникло опьяняющее чувство соучастия и посвящённости. То, что происходило в храме во время служб, заставило нас остановить время внутри самих себя и попытаться расширить сознание до максимально возможных пределов, чтобы понять, что мы пережили здесь, и всему поверить.

Нет смысла описывать быт огромной крепости, прекрасно существующей без электричества, как она и существовала тысячу лет назад. Ни тебе освещения, ни тебе радио, ни телевидения, ни интернета, ни холодильников, ни горячей воды, ни кондиционеров. Генератор был заперт в отдельном помещении и включался по ночам только для того, чтобы зарядить мобильники. Все монахи были с мобильниками. Для поддержания связи друг с другом и армией преданных постоянных паломников, которых по всей Греции насчитыва-

лось больше двух тысяч.

Забавная деталь: оказалось, что монахи не моются. Им не запрещено, но в этом почти не было необходимости. Они, конечно, чистят зубы, умываются утром и после тяжёлой пыльной работы. У них где — то есть душ, которым можно пользоваться. Но забавно именно, что они не пахнут! На такой жаре, постоянно занимаясь физическим трудом, потеть иногда до насквозь промокших сутан. И не тратят время на принятие ванны или душ.

Молодой дьякон М, который вскоре взял шефство над нами, объяснил: они настолько правильно питаются и их молитвы очищают не только души, но и тела, поэтому не пахнут, как другие люди, а именно — совсем.

Это уже было чересчур!

Я, на правах странного заокеанского гостя и пользуясь своим возрастом, просто притянул молодого дьякона к себе и смачно занюхнул. Он засмеялся как ребёнок и поднял руку, чтобы я ещё понюхал его мокрые подмышки. И что? Я понюхал!

Не пахло! Только чистым человеческим телом, как пахнут дети на руках у мамы. Я был поражён. Очередное маленькое чудо, к которому я прикоснулся здесь. Мои медицинские мозги не справлялись с этой головоломкой.

Тогда я стал внимательно следить за их питанием. А в питании не оказалось ничего сверхъестественного: каши, фрукты, хлеб, овощи, по воскресеньям удивительно вкусное

и пьяное монастырское вино и рыба. Конечно, посты и никакого мяса.

Ели все вместе в трапезной, куда попасть можно было, только отслужив службу. Знакомый принцип: кто не работает тот не ест.

В трапезной — три ряда длинных столов со скамейками. За двумя рядами монахи, за одним — паломники. Примерно 120 монахов и от тридцати до пятидесяти паломников. Первым входит настоятель со свитой, первым же он и выходит. Трапезу начинают по команде после благословения настоятеля и продолжают до тех пор, пока специальный чтец читает с воздвигнутого над всеми постамента. Как только он захлопывает огромную книгу, трапеза прекращается, все встают и ответственный монах обходит ряды с огромным тазом, чтобы собрать остатки несъеденного хлеба. Это традиция. Хлеб — святое!

Мы тоже хотели есть! Утром первого дня иконописец Патер И Второй позвал нас с собой, но повёл не в храм, а в гостевую трапезную на втором этаже северного крыла, где усадил на скамейку и приказал ждать и где нам уже на рассвете налили кофе и позволили съесть несколько печенюшек. И представьте себе — до завтрашнего дня мы ничего не ели. Только пили воду из колодца в монастырском дворе.

За день мы отлежались, пришли в себя после ночного испытания и побродили по монастырю. Но жрать хотелось невыносимо! Нашли две конфеты в рюкзаке — съели. Вы-

брались за стены монастыря и подкрепились только начавшим вызревать виноградом. Вечером, обессиленные от голода, добрались до своих коек и упали в надежде отоспаться и заглушить голод сном. Не тут — то было! Монастырь жил по византийскому времени. И в эту ночь служба началась по — нашему времени в час ночи и продолжалась восемь часов!

Нас позвал на службу ответственный за побудку паломников монах. Он упрямо не уходил из кельи, пока не убедился: мы понимаем, что он от нас хочет, и готовы идти со всеми на службу. А не пойдём — не будет еды.

Ну что за напасть!

И мы приняли вызов монастыря.

Наша первая служба стала курсом молодого бойца. Мы не умели правильно креститься, не знали, что делать, как себя вести, как молиться и вообще молиться ли. Но нас всему быстро научили. Они присматривали за нами. Они были рядом. Они были повсюду. Они помогали. Они очень хотели, чтобы у нас получилось. И у нас получилось!

Модель была несложная: повторяй за монахами, делай всё как они. Честно говоря, я удивился такой демократической доктрине в таком строгом ортодоксальном месте. Но потом всё понял. Потом. Когда начались настоящие чудеса.

Технология проста: крестись, когда положено, то есть когда остальные крестятся. Не знаешь греческого — повторяй за всеми «Амен», когда все это произносят. Хочешь — молись по — русски, если умеешь. Хочешь — вообще не мо-

лись и просто постой в сторонке. Но будь рядом, будь со всеми.

И всё время думай о добре, как бы ты его ни понимал.

Думай о добре! Думай о добре! Думай о добре!

Я думал о брате.

И плакал.

Я не хотел плакать, но слёзы сами текли по щекам, и не было им конца. И с этим ничего невозможно было поделать.

А брат стоял рядом.

Много часов подряд.

И всё повторял «Амен», когда все говорили, и крестился, когда все крестились. Я никогда его таким не видел. Мне даже стало как — то не по себе. Последний раз он был в церкви 23 года назад, когда его самого крестили. Тогда ему и года ещё не было, и он сначала сильно сердился на всех, плакал. Но, когда батюшка дал ему ложку кагора, он успокоился, распробовал и потащил того за бороду на себя своими сильными руками. Мол — давай ещё!

А теперь он стоял почти в полной темноте справа от меня — огромный, взрослый, совсем потерянный. И слёзы так же текли по его щекам.

Думай о добре! Думай о добре! Думай о добре!

Я не знал, о чём он думает. Но надеялся, что о маме.

Мы не чувствовали ног. Мы, если честно, уже с трудом держались на этих самых ногах. А служба всё продолжалась, и мы всё больше погружались в коллективный эгрегор, сами

того не подозревая.

Уже тогда я что — то почувствовал.

Что — то или кто — то кроме монахов и паломников был рядом!

Я почувствовал это в шевелении воздуха вокруг нас, в колыпании теней и отсветов под куполами храма. Я отвлекался несколько раз от молитвы, всматриваясь, озираясь, пытаюсь рассмотреть что — то, сам не зная что. В какой — то момент показалось что вижу что — то вроде двойного изображения — над головами и плечами монахов и паломников колыхались еле уловимые контуры, как бы дублирующие силуэты склонившихся в коллективной молитве в центре церкви перед алтарём. Эти контуры были похожи на людей в густом тумане.

Потом видение исчезло: я отвлёкся на кого — то рядом со мной. Это старенький паломник закашлялся, и мне пришлось помочь ему отойти и присесть на скамейку. Служба казалась бесконечной, но физическая усталость не могла омрачить радости, которую я испытал. Радости очищения слезами!

И мы справились!

Солнце взошло над Грецией и выглянуло из — за горы. Оно ворвалось в полумрак храма через цветные витражи под куполами, и дева Мария улыбнулась нам с древних икон. И мы почувствовали себя дома. Всё оказалось таким родным, будто это был далеко уже не первый наш молебен в этой

древней церкви с этими вчера ещё неизвестными мужчинами, говорящими на эллинском языке.

Каким вкусным оказался монастырский хлеб! Какой сладкий репчатый лук, который греки смачно откусывают, как мы откусываем спелые осенние яблоки! Как вкусна жареная макрель, добытая монахами накануне прямо в бухте напротив! Какое весёлое монастырское мускатное вино, рецепт которого монахи хранят уже тысячу лет! Какие родные лица бородатых монахов и уважительно тихо переговаривающихся паломников! Какое счастливое то наше первое воскресенье в монастыре!

Христос — то, оказывается, воскрес!

Монах и ангел

Жизнь в монастыре для нас была по — своему простой и одновременно сложной.

Простой — потому что здесь всё было упорядоченно, время текло по византийскому календарю, всё подчинялось выверенному чёткому расписанию, строгим религиозным обычаям, многовековым традициям, внутримонастырскому уставу. Как в армии! Порядок вещей годами, десятилетиями и даже веками почти не менялся. Менялись только люди. Паломники приходили и уходили. Появлялись новые монахи, в основном из постоянных паломников, полюбивших монастырь всем сердцем и узревших единственный надёжный и правильный путь к Богу через монашество.

Монахи уходили тоже. Умирили старики, некоторые уже даже разучились разговаривать — так близко они подошли к заветной цели, так много времени уделяли молитве и религиозным духовным практикам, так глубоко погрузились в эгрегор. Старики часто умирали с улыбкой. Многие — в возрасте далеко за 100 лет. Смерть была самой прямой дорогой к Богу, и осознание собственной смерти было для них радостным. Они ждали смерть, они её не боялись. За земной чертой их ждал Бог. Только умерев они могли наконец — то с ним встретиться. Сохранились даже фотографии улыбающихся в гробу монахов.

За сотни лет очень немногие монахи ушли в другие монастыри, и почти никто не ушёл в мир. Где угодно это могло случиться, но только не в этом монастыре. Местный конфессионар Патер Г, который немного помогал и общался с нами, когда нам это было необходимо, рассказал поучительную легенду — притчу. Рассказал в связи с тем, что брат должен был остаться в монастыре на три месяца, а это подразумевает определённую ответственность всего коллектива за него и ответственность его самого перед братьями.

Невозможно гостить в монастыре месяцами. Непозволительно. Паломники приходят на несколько дней и уходят. А если ты остался надолго, значит, тебе это надо. Тебе будут рады и примут как брата. Но нужно работать. Нужно получить послушание от настоятеля. Нужно молиться. Нужно учиться.

И нужно подумать о будущем.

Одной из логичных, по их мнению, опций было стать монахом. А зачем же тогда оставаться в монастыре, если не думать об этом и не строить соответствующих планов? В общем, нас прощупывали, пытаясь понять, как относиться к нам — как к гостям или как к семье?

Итак, Патер Г рассказал притчу, а притча была особенная и для монахов трепетно важная. Он, очевидно, любил её рассказывать, так как весь аж светился изнутри в ходе повествования, и мы явно были уже не первыми слушателями.

Притча

Был монах. Он служил Богу верно и беззаветно. Он любил Бога всем сердцем и провёл уже полжизни в монастыре. Была только одна женщина в целом мире, которую он любил, — его мать. И вот однажды в монастырь пришёл странник и стал спрашивать — кто здесь сын такой — то из такой — то деревни. Монах услышал и понял, что странник ищет его.

«Тяжело заболела твоя мать. Очень тяжело», — сообщил странник монаху.

Залился монах слезами — так он любил свою мать. И решил он тогда идти к ней. Чтобы остаться с ней, чтобы помогать и облегчить ей старость. Но для этого надо было уйти из монастыря, уйти в мир насовсем, перестать быть монахом. Выбор был страшно мучительным, и никак он не мог решиться.

И обратился монах за советом к настоятелю, как всегда обращался в трудные минуты.

А тот дал ему только один совет. Повинуйся зову сердца! Но помни: если уедешь, не будет тебе обратной дороги в монастырь, займёт твоё место кто — то другой.

Долго плакал монах, рвал себе бороду, извёлся весь. И решил он всё — таки идти домой к матери, оставить монашество.

Никто его не осудил. Проводили как брата.

Долгий путь был до той деревни от монастыря. Шёл монах и днём и ночью, и однажды встретился ему путник, благоликий молодой человек в белых одеждах. Он шёл в противоположную сторону — от той самой деревни, куда так спешил монах, к монастырю.

Поздоровались. Сели в тени оливы.

И вдруг называет встречный путник монаха его мирским именем и спрашивает:

— Ты идёшь навестить свою больную мать?

— Нет, — говорит бывший монах. — Я иду остаться с ней. Так я люблю её!

— Ясно, — говорит путник. — Поспеши. Уж очень она больна.

Поднялся тогда бывший монах и поспешил, чтобы не терять больше времени на разговоры. А путник ушёл в сторону монастыря.

Только они разошлись — обернулся монах и увидел у путника полупрозрачные крылья за спиной.

«Неужели я говорил с ангелом!» — испугался монах и побежал в сторону деревни. Но споткнулся он впопыхах, упал, оглянулся ещё раз и увидел путника уже не в белом, а в чёрной монашеской сутане.

Ещё больше оробел монах. Добежал до деревни, ворвался в дом матери. И застал её уже мёртвой. Вот только секунду назад испустила она дух.

Тогда понял монах, что, уйдя из монастыря, лишил он мать свою ангела — хранителя, который её охранял и заботился о ней, пока монах служил. А теперь вот отправился занять его место в монастыре.

Покинул ангел мать, и умерла она тогда.

Патер Г беседовал с нами отдельно, с каждым тет-а-тет. О чём он говорил с братом, я не знаю. Меня же спросил, хотим ли мы (семья), чтобы мой брат стал монахом. Я честно ответил, что нет. Но добавил, что, если он так решит, мы будем уважать его выбор и не скажем ни слова против. Я — то знал и так, что брат ни за что не выберет этот путь для себя.

Когда мы собрались все вместе в классе, где монахи учились древнему и не менее виртуозному, чем современная музыка, искусству церковного песнопения, Патер Г рассказал свою притчу и выдержал паузу, чтобы мы осознали суть сказанного. А потом пояснил, что человек, принявший монашество, дарит родным ангела — хранителя. И это один из самых драгоценных даров, который только можно сделать. Но, если он когда — то вернётся в мирскую жизнь, ангел покинет семью, и это станет смертельным наказанием всей семье и бывшему монаху за отречение.

Прозвучало тревожно.

Патер Г, казалось, пытался нас подкупить. Или даже по — своему угрожать. Но он был честен и обозначил возможные последствия. Монастырю нужны свежие силы, нужны мона-

хи! И Патер Г как монастырский идеолог должен был провести с нами эту работу.

Мне было странно видеть перед собой этого взрослого, образованного человека, огромного седобородого серба, красавца, говорящего на пяти языках, посвящённого в самые глубокие тайны взаимоотношений человека с Богом, конфессионара, принимающего и у паломников, и у монахов исповедь, одного из лидеров этого монастыря. Он сидел тут за учительским столом, рассадив нас за ученические парты, и рассказывал все эти сказки.

Я задавался вопросом, который мучил меня всю жизнь и который я задавал сам себе уже тысячи раз, встречаясь с такими людьми, — неужели он искренне верит во всё это или просто честно и усердно выполняет свою работу? Как замполит, например...

Модель цивилизации

Сложной была внутренняя социальная организация и духовная жизнь братства. А также его отношения с внешним миром. Братство было почти завершённой моделью общества, если хотите государства, если хотите — цивилизации. Почему «почти» — потому что здесь не было и не могло быть женщин. В остальном оно полностью моделировало, как мне это виделось, любое человеческое сообщество.

Яркие и разнообразные взаимоотношения между братьями были обычными проявлениями человеческой жизни: настоящая братская любовь и дружба — и рядом ревность, раздражение, бытовые конфликты. Радость общения, веселье и шутки — и тут же межличностные обиды, зависть. Они ведь всё — таки только люди, и, как говорится, ничто человеческое им не чуждо. Но на что я обратил особое внимание — так это на их неустанную заботу друг о друге.

Наверное, тех паломников, кто думает, остаться ли в монастыре и принять сан, это очень подкупает. Ведь многие лишены этого в мирской жизни. А взаимная забота здесь повсеместна. Я сам видел, как они в трапезной, извините за кощунственное сравнение, вынимают крошки хлеба друг у друга из бороды, точь в точь как обезьянки выбирают блошек друг у друга из шерсти. Или как один брат вытирает пот со лба другого, который тащит по солнцепёку огромные вед-

ра с водой. Они всегда внимательны к своим. И к гостям.

Но они в то же время строги и к прихожанам, и друг к другу. Резко осудят, остановят и даже, если надо, накажут любого, кто, по их мнению, проявит неуважение к внутри-монастырскому уставу, церкви или настоятелю.

Например, уже на третий день монастырской жизни, когда мы реально ноги не волочили от усталости и брат присел на скамейку во время молитвы в храме, да ещё накиннул на голову капюшон своей спортивной футболки, он тут же получил звонкую затрещину от молящегося рядом старого монаха. В другой ситуации, в другое время и в другом измерении результат был бы однозначным: брат никому не позволял себя обижать. Даже мне.

Но здесь было всё совсем по — другому. Он стащил капюшон, вскочил на ноги и забормотал: «Сорри, сорри...»

Настоятель в монастыре — глава, отец родной и топ — менеджер. Как президент. Это выборная должность, но если его выбрали (а выбирают в монастыре тайным голосованием, и неявка на выборы может быть оправдана только смертью), то авторитет его абсолютен, слово драгоценно, решения необсуждаемы, а послушания, полученные от него, выполняются с радостью и сознанием их важности для общины — даже если он наказал монаху много лет подряд мыть монастырские туалеты. Есть и такое...

У настоятеля, в свою очередь, есть Совет, состоящий из старейшин — самых старых и мудрых монахов. Они, подоб-

но министрам, помогают ему управлять братством и общаться с внешним миром.

Все роли и послушания в монастыре чётко распределены, выполняются усердно и в полную силу. От работы не увиливает никто. И именно здесь воплощён в жизнь самый сокровенный принцип коммунизма: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

А способности у каждого разные. Разный возраст, навыки и опыт, образование, здоровье, характер, национальности. В монастыре в основном, конечно, были греки. Но среди монахов оказались и сербы, и русские, и кавказцы, были также французы, пара американцев. И каждому нашли место в братстве в соответствии с его возможностями и склонностями.

И каждый в монастыре получал и получает по потребностям. Потому что потребности у них одинаковые!

Едят одну еду, носят одинаковые одежды, делят один кров, молятся одному Богу. Нет господ и слуг. Нет богатых и бедных. Есть только братья.

Этого не смогли добиться коммунисты. Достижениями коммунистов за последние 100 лет стали миллионы погибших от внутреннего террора и гражданского геноцида, международные конфликты, в которых погибли миллионы, — Вторая мировая война, разрушенные страны, перекроенные границы, обман всех и вся, дискредитация и уничтожение религии. Последний оплот коммунизма на планете, Север-

ная Корея, сегодня ярчайший пример вопиющей деспотии, почти психиатрической тоталитарной диктатуры и самого обыкновенного рабовладельчества, где весь народ — рабы и все рабы принадлежат одному господину.

В монастыре равенство тоже имелось, но только на бытовом уровне. Привычный аскетизм уравнил всех монахов и освободил их головы и души от такой изнуряющей мозги дурацкой работы, как устройство быта, зарабатывание денег, накопление материальных ценностей, наслаждение вещественным миром и стремление конкурировать в этом вопросе с окружающими.

Ну зачем козе баян?

Монаху не нужен кожаный диван, плазменный телевизор, посудомоечная машина или крутой автомобиль. Монаху не нужна зависть друзей и соседей. Монах не карабкается вверх по лестнице жизни и карьеры, укрепляя материальное и одновременно теряя остатки духовного, как это происходит со всеми нами.

Монах всегда стремится к Богу. Всегда служит. И в связи с этим братство увиделось мне тогда каким — то батальоном солдат в чёрных одеждах — суровые, сильные духом, такие земные, с мозолистыми руками, в потрёпанных от тяжёлой работы рясах. Но такие спокойные, смиренные, честные, с просветлёнными глазами, всегда с таящейся в бороде скромной улыбкой и твёрдо знающие, за что они готовы умереть. Конечно, не все; они были разными. Но таким мне показ-

лось обобщённое лицо монаха именно этого монастыря.

Социального равенства в монастыре я не нашёл.

Да его и быть не могло, иначе всё бы развалилось. Как, например, всё и всегда разваливалось у коммунистов. В монастыре кто мог только копать — копал, кто хорошо готовил — работал на кухне, кто любил огородничать — растил помидоры и огурцы. Кто умел строить — строил, рыбачить — ловил рыбу для братьев, рисовать — писал иконы, а кто обладал талантом организатора или бизнесмена — занимался хозяйственными вопросами, как Патер И в монастырском доме в городке.

А тот, кто знал, как руководить, руководил. Но не для того, чтобы набить себе карманы, а на благо общины. И не ради власти, а чтобы обеспечить счастливую жизнь всем остальным, включая того, кто умеет только копать.

Ну а тот, кто умел думать о главном и по — настоящему верить, управлял духовной жизнью братства и основным их занятием — богослужением.

То есть в монастыре были представлены разные социальные классы: от траншеекопателей и плотников до топ — менеджеров и министров во главе с президентом. Но они всё равно оставались братьями и оставались в своей классовой прослойке только потому, что именно там могли принести максимальную пользу сообществу.

Наблюдая за ними, я вдруг подумал, что это и есть идеальная модель цивилизации, земное воплощение утопических

идей, терзавших человечество в разные его периоды, в реальную жизнь. Я даже обрадовался — так важно для меня оказалось это открытие. А потом вдруг расстроился. А как же семья? Продолжение человеческого рода, продолжение жизни, цивилизации...

Тогда я ещё не знал, что ошибаюсь. Что жизнь бывает и вне нашего тела и кроме телесной цивилизации, обитающей в биосфере этой прекрасной планеты, ещё существует Архилептония. Цивилизация мыслей, сверхтонкая надстройка над человечеством, в которой не важно, кто порождает мысль — мужчина или женщина, ребёнок или старик, пастух или герой, — и которая существует сама по себе вне нашего материального мира, но параллельно с ним.

Испытания

Для нас, фактически почти инопланетян, вывалившихся из сумасшедшей технологической и излишне сытой современности в параллельное, но всё равно какое — то далёкое и смиренное прошлое, жизнь в монастыре оказалась совсем не простой и на первых порах даже тяжёлой.

Для начала мы стали голодать. Не специально, а поневоле. Монахи ели два раза в день и не так обильно, как мы в миру.

Да, нам с братом всё время хотелось есть! Но постепенно привыкли. И даже стали чувствовать себя намного легче, чем раньше. Братишка шутил: «А ну — ка, занюхни меня! Может, я уже не воняю. Мясо — то не едим!»

Ха — ха! Мы таки воняли.

На третий день мы поняли, что не можем больше не мыться. Нет, мы умывались и чистили зубы два раза в день. Как, собственно, и монахи. Но не купались, не мылись целиком. Мы просто не знали, как и где это сделать. Это становилось невыносимым. И тогда мы убежали и отправились к морю. Просто отошли от стен крепости, обошли какие — то старые постройки, заброшенные лодки, поднялись на небольшой холм, спустились и оказались в крошечной бухте под скалой, на которой со стороны моря ютилась неизвестная нам часовня. Отсюда прямо от воды монастыря не было видно, хотя он был примерно в 100 метрах. Значит, и нас не

могли разглядеть. Мы разделись догола и поплавали. Эгейское море приняло нас ласковым прибоем, освежающей, но всё — таки непривычно тёплой водой. Вот это наслаждение! И ему не было конца. Мы больше часа провели в воде.

Одним из самых больших испытаний для нас оказался вынужденный дефицит сна.

На третий — четвёртый день мы валились с ног. Выяснилось, что монахи почти не спят. Реально очень мало! В будние дни общий подъём — в три часа ночи по нашему времени. Во двор выходит побудчик и обходит со своей палкой и лампочкой на лбу, отбивая какой — то ритм, весь монастырь. Начинается движение в кельях, хлопают двери, журчит вода в умывальниках, шумят сливные бачки в общем туалете (слава Творцу, это достижение цивилизации здесь присутствовало).

Все просыпаются и готовят себя к новому дню. В четыре звонят колокола (тут и мёртвого поднимут с постели) — звон их отражается от гор и стен монастыря, множится и проникает в самое нутро. А через пятнадцать минут начинается общая служба в церкви. Продолжается до девяти. Потом трапеза. Работа до четырёх вечера, служба до девяти вечера. Снова трапеза. Потом личное время. Монахи заполняют его беседами, починкой одежды, общением с паломниками. Паломники рыбачат, звонят домой, разговаривают. С наступлением полной темноты паломники расходятся по кельям, а монахи опять работают. Днём — в основном физически на

своих рабочих местах. А ночью — духовно: читают, учатся в уже известном нам классе, совершенствуют церковное пение. Монашеская жизнь затихает по — настоящему только к полуночи. А в три часа уже опять подъём.

Это же только три часа сна в сутки! В воскресенье подъём вообще в час ночи по — нашему. Это кто вообще может выдержать? Какой —нибудь знаменитый спецназовец смог бы спать годами по три часа в сутки? Конечно нет!

А монахи могут. Потому что учатся этому. Выработывают этот режим дня и неуклонно следуют ему всю жизнь. А раз они могут — то и мы смогли. Но мы — то догоняли немного днём, когда жара становилась невыносимой. Монахи работали, а мы, паразиты, спали — пусть и обливаясь потом на мокрых простынях у себя в келье, но всё — таки часик — другой спали! И это помогало.

И наконец — отсутствие женщин.

В монастыре нет женщин! Какой кошмар.

Однако...

Какое счастье, что в монастыре нет женщин!

На всём Афонском полуострове их нет и, думаю, никогда за последние несколько сотен лет не было. Нога женщины не ступала на эту святую землю.

Сейчас межмонастырский совет решил развивать туризм и почти согласился допустить женщин до посещения полуострова и его реликвий. Это якобы усилит материальную базу государства и даст монахам дополнительный заработок.

Каким монахам?

Тем русским попам, которых я позже видел сходящими с трапа парома, доставившего с полуострова людей и грузы в пограничный очаровательный городок Уранополи? Этим лопающимся от жира, с маслянистыми губами и огромными розовыми щеками, в шикарных добротных рясах, с рубино-головыми перстнями на пальцах — сардельках? Так у них и без этого денег полно: их спонсируют толстосумы, которые приезжают сюда из России замаливать (вернее, проплачивать) свои бизнес — грехи. Или это нужно сухим чернокрылым греческим монахам, которые добывают хлеб насущный тяжёлым, но счастливым сельским трудом на холмах вокруг монастыря?

Нет, наш монастырь не согласен! Нашему монастырю не нужны деньги. Монастырю нужен Бог!

А без единодушной поддержки всех монастырей решение межмонастырского совета не может быть ратифицировано. Вот и гнобят монастырь. Пытаются отобрать земли, выселить монахов (доходит почти до боёв), сместить руководство, не пускать паломников. Но кроме женского вопроса есть множество других, не менее важных.

Монастырь не согласен дружить с католиками, иудеями, мусульманами, буддистами и так далее из политических соображений. Православие или смерть!

Монастырь много с чем не согласен. Такой вот упрямый монастырь!

А я, знаете, уважал такое упрямство и косность. Если бы евреи не были так упорны в чистоте крови, соблюдении традиций, отправлении религиозных культов, преданности своему Элоиму, где бы они сейчас были? Вымерли бы...

Но вернёмся к женщинам.

В монастыре нет женщин. Нет секса. И никогда не было. Зато есть любовь.

Мы, по своей ехидной привычке, всё гадали и даже скабрёзно поначалу язвили между собой — мол, как это у них получается, без женщин? Мы сами некомфортно себя чувствовали. Я — то уж точно заскучал по жене весьма скоро.

Долго гадать не стали — взяли и спросили напрямую. Дьякон М, двадцатишестилетний монах, правая рука настоятеля, наполовину грек и наполовину палестинец (тот, который нам предлагал занюхать его подмышки), совершенно непринуждённо и спокойно на своём ломаном английском ответил двум пришлым женопоклонникам на этот щекотливый вопрос так:

«Молитва умирляет плоть. Мы долго учимся этому. Мне не было трудно: я стал монахом в шестнадцать лет. Но большинству монахов, кто пришёл из мира во взрослом возрасте, познал женщин, познал и радость, и горечь любви, пришлось учиться этому. Им не было просто. Но у нас существуют специальные техники, методики, молитвы. Нет, мы не импотенты. Просто эту часть жизни мы постепенно стираем из сознания, из своей души. И она уходит из тела, как уходит из

ГОЛОВЫ».

И я поверил ему.

А сам подумал: и слава богу, что их тут нет. Появись они здесь — и камня на камне вскоре не осталось бы от этого всестойкого «спецназа», от этой почти идеальной модели цивилизации.

Горячей короткой ночью этого же дня мне приснился эротический сон с участием меня и любимой жены.

Проснувшись, я подумал так: какие же мы всё — таки животные!

А потом: может, они всё — таки геи?

И отправился помолиться.

Знаете — помогло.

Правда, ненадолго.

Сокровища монастыря

На третий — четвёртый день, когда мы немного привыкли к постоянной усталости, голоду и недосыпу, стало легче, и я начал больше наблюдать, замечая всё новые детали монастырской жизни.

Например, нас поразила масштабность монастырского хозяйства.

Масличные сады на холмах, виноградники, арбузные бахчи, грецкие орехи. Всевозможные виды теплолюбивых фруктовых деревьев: яблоки, груши, персики, абрикосы, айва, гранат, тутовник, инжир, апельсины, лимоны. Да всё что угодно! Огромный огород прямо под северной стеной крепости: помидоры, огурцы, кабачки, баклажаны, перцы. Пруд с карпами. Пасека. Смешная рыболовная флотилия из полутора корыт, на которых отважные монахи добывают рыбу для стола. Столярный цех. Кондитерский цех. И полно ещё всего. Как они с этим справляются? А вот так! Честным, правильно организованным коллективным трудом. Настоятель, пожилой больной человек, каждый день садится на трактор и катит работать где — то в садах. И, конечно, братству помогают паломники. Все, кто приходит сюда постоянно, работают вместе с монахами. Им это доставляет радость. Местные паломники не могут есть чужой хлеб задаром: совестно. И братство благодарит их за это, разделяя трапезу, беседы и

молитвы на всех поровну.

Люди — главное богатство монастыря.

Но оказалось, что монастырь хранит и настоящие драгоценности.

Например, за потайными стенами и скрытыми секретными проходами хранится уникальная библиотека древнейших рукописных книг, религиозных текстов, артефактов, которым с точки зрения гуманитарного наследия нет цены и адекватного денежного эквивалента. Но мало того — в монастыре есть и материальные сокровища.

В центральном зале храма, где мы каждый день гуськом по окончании молитвы проходили и крестились на множество икон, отдельно расположена особая икона Девы Марии с младенцем Христом на руках, до которой было не дотянуться, чтобы поцеловать край оклада. Икона утоплена в окладе глубоко за стеклом, а перед ней во внутреннем пространстве между стеклом и самой иконой уложены перстни с камнями и отдельные необрамлённые драгоценные камни умопомрачительного размера — рубины и изумруды. Кто не в курсе, сообщаю, что рубин и изумруд — это красный и зелёный алмазы. И наверняка это только сотая доля сокровищ, которые хранит монастырь. Они попадали сюда разными путями уже больше тысячи лет. Вряд ли кто — то кроме самих монахов знает, что именно хранит монастырь с древних времён. Уверен, что, если понадобится, монахи смогут защитить свои сокровища. И не только потому, что это мно-

гомиллионные материальные ценности; это часть нетленной истории монастыря.

Потом я видел, как монахи выходят из стен, как они умеют появляться в разных частях крепости, не пересекая залитый солнцем монастырский двор. Очевидно, сеть тайных коридоров, дверей и проходов связывает все стороны крепости и воспользоваться ими могут только посвящённые. Позднее, когда брат вернулся домой, он рассказывал, что, по его мнению, почерпнутому из косвенных источников, у монахов и арсенал вооружения имеется. А уж какой — не будем гадать. К тому же среди монахов есть и бывшие военные, и полицейские, и спецназовцы. В общем — люди подготовленные. Причём из разных стран.

А вместе с ними в монастыре собрались художники, инженеры, врачи, учителя, певцы, бизнесмены, рабочие, фермеры, турагенты и даже бывшие уголовники. Монашество стирает прошлое, закрывает эту страницу жизни навсегда. Страница закрывается, но человек — то остаётся.

У монастыря больше двух тысяч постоянных паломников. Некоторые приезжают издалека, некоторые живут по соседству. Они — то и есть потенциальная рекрутинговая аудитория. Пока я жил у Патера И в городке, два паломника, один из которых шёл с нами ночью в монастырь, приняли монашеский сан.

С одним из них удалось побеседовать, когда я уходил из монастыря (на уже известном лендровере: сначала в серб-

ский монастырь, потом на автобусе до моря, потом на корабле до Уранополи). Паломник был туристическим агентом, немного знал английский. Жаловался на жену, правительство и полицию (его недавно лишили водительских прав). Я особенно не обращал внимание на жалобы, уже знал: греки всегда жалуются на правительство. Но он также скучал по сыну: тот уехал с семьёй в Афины, и теперь они не видятся годами. Меня эта тема задела за живое — я ведь уходил из монастыря и знал, что с братом увижусь тоже не скоро. На корабле, глядя на медленно проплывающие мимо берега Афонского полуострова, паломник повторял, что мечтает умереть именно здесь, в монастыре. Я запомнил его имя — Серафим (нетрудно запомнить). Это был низкорослый, мощный мужчина с густой седой бородой, намного старше меня. Настоящий спартанец, как я их представлял.

Когда через три месяца брат вернулся домой, он рассказал, что Серафим принял сан и замолчал на полгода. Это первое и главное послушание, которое получают новые монахи. Полгода молчать и молиться. Ещё он рассказал, что через месяц после того, как Серафим принял монашество, к нему приехал сын. И стал потом приезжать постоянно и оставаться на выходные. Они садились в тени огромного лимонного дерева и молчали. А у отца Серафима по щекам и седой бороде текли слёзы. Ведь именно теперь он стал часто видеться с сыном — когда стал монахом...

Не только паломники помогают монастырю, но и мона-

стырь помогает паломникам. В любых обстоятельствах, при первой же необходимости.

Как — то раз мы катили с Патером И по Иерисосу и увидели человека, спешившего за уже уходящим в Салоники междугородним автобусом. Машина поравнялась с бегущим. На том лица не было, он задыхался, на спине болтался тяжеленный рюкзак. Патер И остановился на автобусной остановке и окликнул его по имени. Они что — то обсудили, перекрикиваясь, Патер И выхватил из глубокого кармана истрёпанной рясы горсть купюр и сунул через окно знакомому прямо в руку. Тот схватил деньги, стал благодарить, но Патер И замахал на него и приказал бежать. Как я успел заметить, среди купюр было несколько сотенных евро. Бедолага убежал в сторону стоянки такси. А Патер И довольный, почти счастливый покатил дальше и объяснил мне как смог, что это паломник Теодор (по — нашему — Федя) из Иерисоса, работает в книжном магазине, очень бедный, опоздал на автобус до Салоник, теперь может опоздать на самолёт. Он должен лететь к сестре на свадьбу в Болгарию. Вот и решил Патер И дать ему денег на такси до Салоник — и на подарок для сестры заодно.

Деньги для Патера И были как конфетные фантики. Просто бумажки. Вынужденное мерило общения с этим смешным и окончательно запутавшимся внешним миром.

А когда — то он жил и дышал для них.

С другим паломником я прожил бок о бок несколько дней

в монастырском доме, тесно общаясь, деля с ним и Патером И трапезу и вечерние беседы на балконе. Это был парень по имени Николас, македонец лет двадцати пяти, который потерял работу, другую работу никак не мог найти и попросил помощи у монастыря. Он часто паломничал, но теперь приехал надолго: жить у Патера И и работать на монастырских фермах, разбросанных по Халкидики. Монастырь дал ему работу, содержал бесплатно в доме и платил, чтобы парень мог в конце сезона привезти какие — то деньги домой.

Вот так.

Все эти люди показались мне настоящим сокровищем монастыря. Они помогали друг другу не потому, что им это было выгодно, а потому, что хотели. Я часто видел, как уже знакомые мне паломники подкатывали к дому и выгружали во двор кто что привёз, кто чем мог поделиться с монастырём. От ящичков со списанным и провонявшим хлоркой военным обмундированием (ботинки, зимние куртки, шарфы — зима — то в каменном монастыре у моря промозглая, даже в Греции) до щенка немецкой овчарки (пусть живёт в монастыре, где уже прижились вездесущие кошки и обитает огромный старый конь, на котором время от времени кто — нибудь отправляется побродить по горам). Ещё привозили гвозди, кирпичи, коробки с туалетной бумагой.

СТИГМЫ

Монахи, наверное, как и большинство греков в Греции, — убеждённые антисемиты, скрытые или явные.

Причём многие с евреями никогда не общались и вообще не сталкивались. Однако традиционный антисемитизм налицо: то там то сям, по поводу или без повода, они презрительно отзываются о евреях и автоматически об Израиле. Основная причина, конечно, — «убийство Христа», которое они евреям никогда не забудут и не простят.

У греков это иногда приобретает весьма забавные формы.

Своего премьер — министра они считают скрытым евреем, потому что он их обманывает.

Какого —нибудь местного начальника — потому что он ездит на дорогой машине.

Соседа с параллельной улицы могут подозревать, потому что он построил новый дорогой дом на продажу.

Вот так, вроде безобидно, греки в миру подтасовывают под еврейство всё, что связано с выгодой или бизнесом. А сами втайне завидуют успешным людям. Ну не то чтобы прямо завидуют, но не отказались бы быть на их месте. Греция ведь очень бедная страна. Но стала она бедной не потому, что её кто — то разорил: греки это сами допустили.

С антисемитизмом безобидно было не всегда. Когда я посетил Кипр, то узнал, что в древние времена греки добывали

палками терпящих кораблекрушение евреев, которые пытались выбраться на скалистые берега.

И страшное гетто в Салониках не было безобидной страницей Второй мировой войны. Многие греки активно сотрудничали с нацистами.

Салоники вообще много веков был больше чем наполовину населён евреями. Теперь их там осталось несколько семей.

Однако надо признать: и среди греков были праведники, которые укрывали евреев от фашистов, спасая им жизнь.

Ещё одна стигма, какая — то безумная и совершенно на первый взгляд непонятная, — бар — код на товарах. Да — да! Именно так. Настоятель монастыря приказал монахам и учит всех паломников избегать товаров с бар — кодом, а те распространяют своё «тайное знание» по всему миру. Теория такая: бар — коды — глазок, которым дьявол отслеживает всё и вся. Поэтому тот, кто пользуется товарами, на упаковках которых есть считываемые бар — коды, — под наблюдением Сатаны.

А ещё они убеждены, что бар — коды придумали евреи. Чтобы управлять миром!

Вот такая у них своеобразная связка — евреи и бар — коды. Купил упаковку чипсов с бар — кодом — и Сатана тут как тут! Приглядывает за тобой. А Сатана он кто — конечно, еврей. И все они такие.

Я сначала поражался невежественности и убогости такой

философии. А потом свыкся и стал задумываться. Не о евреях, конечно, так как сам был евреем (а греки — то во мне еврея не рассмотрели: наверное, и не встречали в жизни ни одного!).

А вот с бар — кодом они, кажется, что — то разглядели. Всеобщая глобализация и компьютеризация скоро и впрямь приведут к тотальному контролю, и все мы станем просто стадом — куда хозяин захочет, туда и погонит. А кто будет хозяином в этот момент? Мы — то ещё не знаем...

Карточкой чиркнул в магазине — сразу известно и кто ты, и где ты. Позвонил по мобильному — то же самое. Отправил имейл — твой IP известен. Да, с бар — кодом монахи переборщили, но, в принципе, идея жизнеспособная. Может, Google на Сатану работает? Google уже не знает, куда деньги девать... Спросил бы у монахов — они подсказали бы!

Ну да ладно.

В любом случае зимой того же года я отправлял в монастырь тёплые чёрные куртки — аляски и предусмотрительно срезал с них бар — коды. Чтобы монахи не нервничали. Чтобы носили на здоровье! И не боялись сатанинского ока.

Отдельная история — легенда, что на Афонской горе, вершина которой всегда укрыта облаком, в пещерах живут около двухсот существей. Десять — телесные, но бессмертные монахи, а остальные — духи монахов. Они ничего не едят. Обитают все вместе в пещерах столетиями и проводят время в медитациях и в общении с Богом...

Ну это уже показалось мне слишком!

Я, когда услышал, подумал — шутят. Сказку эту сначала мне рассказал Николас, когда мы в его выходной день пили кофе в кафе «Ксерксис» на городском пляже в городке. Ну, думаю, у парня каша в голове, совсем запудрили ему мозги монахи. А потом вижу — он серьёзно говорит и явно верит во всё это искренне. Примерно так же, как если бы я кому — то рассказывал, что Iron Man Брендан Бразьер (чемпион по триатлону) — веган, то есть не употребляет продукты животного происхождения. Рассказывал бы с уважением и восхищением. Потому что это правда. Спросите хоть у Google.

«На вершину горы Афон, — говорил Николас, — попасть почти невозможно. В самых недоступных местах горных расщелин начинаются скрытые тропы к вершине, а за несколько сотен метров до места по скалистым склонам эти тропы переходят в каменные ступени почти метровой высоты. Паломникам туда путь заказан. И только настоятели монастырей иногда, раз в десятилетия, осмеливаются отправиться в этот путь. Лишь некоторые за последние несколько веков дошли до вершины, и единицы вернулись — очарованные, навсегда утонувшие в тайне увиденного.

Я заворожённо слушал Николаса, почти с открытым ртом (чуть слюна не потекла!). И начал при любом удобном случае спрашивать монахов и паломников на эту тему, пытаюсь собрать как можно больше информации и деталей. Сколько ни старался, все рассказы были похожи друг на друга, с

небольшими отклонениями на подробности и с той только разницей что на мой вопрос «А что они едят?» одни отвечали «Ничего» а другие «Может, насекомых собирают по стенам пещер или улиток. И воду слизывают со стен. На вершине сырость страшная. Гора — то всегда накрыта облаком. Сам посмотри».

«Ну — ну!» — подумал я и стал, когда вспоминал, поглядывать в сторону величественно царившей над полуостровом далёкой вершины святой горы Афон. И представьте себе: когда бы я ни посмотрел в ту сторону — ослепительным звенящим утром, знойным горячим греческим днём или синим душистым вечером, — вершина Афона всегда оказывалась окольцована белым пушистым облаком. Или тучей. А на небе вокруг — ни облачка! Чудеса, да и только.

Езжайте туда и сами проверьте!

...Когда прощались с Николасом, он подарил мне нож, с гравировкой на греческом. Такие имеют только монахи и паломники монастыря. Хороший нож, с кровостоком и наборной рукояткой. А я подарил ему новую, в упаковке, белую футболку — поло Reebok, которую ещё не успел распечатать. Вот так путешественник и абориген обменялись сувенирами.

Фатализм — вот ещё одна местная стигма.

Я встречался с этим феноменом и раньше. Например, хасиды в Израиле всё в своей жизни доверили Элоиму и фанатично верят, что как оно должно быть — так и будет, на

всё воля Божья. А бабушка моя, царствие ей небесное, хоть и не верующая была еврейка, бегала, не глядя по сторонам, через дорогу и говорила всегда: «Им надо — пусть смотрят внимательно. Им же хуже будет!» Мол, если её машина со-бьёт, водителю будет хуже. (Не знаю, что она имела в виду: водителя замучает совесть или что — то другое.) Что она может погибнуть, не обсуждала. И, кажется, даже не думала об этом. Мне это казалось вопиющей тупостью. Хотя я понимал, что бабушка очень умная. И любил её. Она меня вырастила и воспитала.

Вот так и монахи. Патер И, например, вёл машину ко-лянами, крестясь и говоря по телефону одновременно, уверен-ный, что с ним ничего не случится. А другой молодой монах рулил свой сказочный лендровер туда — обратно по ночной козьей тропе, перевозя паломников, на мой взгляд рискуя разбиться в любую секунду.

Все греки верят в судьбу и в Бога. И живут как могут. Про-сто, набожно, в основном бедно.

Первый контакт

Настало время, и я ушёл из монастыря и жил теперь у Патера И в городке. А брат остался в монастыре. Он не хотел. Почти плакал. Но я ушёл и оставил его там. Так было надо. Возможно, он сам понимал, что НАДО, но до последней минуты надеялся, что я вытащу из кармана несуществующий волшебный билет на рейс Афины — дом и приглашу его лететь. Этого не произошло. Его билет с датой через три месяца лежал вместе с паспортом в спортивной сумке. И он остался с чужими бородатыми мужиками, говорящими на неизвестном языке. Испуганный, одинокий, потерянный, возможно страшно обиженный на семью, а может, и на самого себя. Взрослый ребёнок, заблудившийся сам в себе.

Сердце моё рвалось на части, и не с кем было поделиться болью.

И так же не с кем было поделиться робкой надеждой, что я всё делаю правильно, и всё скоро изменится, и брату станет так хорошо, как не было никогда. Жена была далеко, за Атлантикой. Мама не так далеко, но через Средиземное море. А описать по телефону я бы всё равно не смог — ни как тут, ни что тут. И, конечно же, я не смог бы описать, что на самом деле чувствую.

Это были тяжёлые времена для нас всех, мы немного разучились понимать друг друга...

Тогда я ещё не знал, что через три месяца, когда в наших местах вездесущие клёны уже сбросят огненные одежды и первый снег ляжет на горнолыжные склоны, из Греции прилетит худой бородатый мужчина, почти чёрный от загара, невымытый, ещё пахнущий морем и солнцем, с горящими добрыми глазами и счастливой улыбкой. И мы сначала не узнаем его — так он изменится. А потом снова как бы откроем его для себя и станем счастливы.

К нам вернётся мой брат. Повзрослевший, здоровый.

...Стоял безумно знойный и душный день. К Патеру И приехал паломник из Афин. Он примчался на огромном спортивном мотоцикле — довольный, уставший, светящийся надеждой на встречу с монастырём. Жара просто сбивала с ног, но к вечеру посвежело, и мы попили кофе на веранде второго этажа. А потом я остался сидеть на веранде, а они зажгли все лампы в молельной комнате и стали молиться. Я посидел немного, глядя, как лиловый небосклон гаснет, и вскоре присоединился к ним.

Они молились долго. Я стоял немного сзади. На дворе стемнело.

Свет масляных лампад множил изображение Христа. Спокойный, сильный голос Патера И отражался от стен маленькой комнаты. Я думал обо всём сразу. Но больше о нас всех — брате, родителях, жене, дочерях. А о чём же ещё думать?

Думай о добре! Думай о добре!

Я почти провалился в молитву, не понимая на их языке ни слова. И только повторяя за ними — «Амен». Моё сердце постепенно наполнялось любовью. Мысли исчезли, и я почти заснул стоя, в этом монотонном потоке магических слов, колыхании теней и волне упоительного ощущения добра, протекающего через сердце.

И в какой — то момент почувствовал, что мы не одни.

Я опять почувствовал это!

Глаза мои были прикрыты, но я ощутил это кожей. Как будто оказался в толпе, где никто тебя не трогает, но ты чувствуешь тепло человеческих тел вокруг. Я открыл глаза и обомлел. По сути ничего не изменилось. Патер И, сидящий на табурете перед огромной книгой. Мотоциклист рядом. Иконы. Крошечная комната. Колыхание теней...

Но в комнате появились ещё люди!

Или не люди?

Над плечами Патера И возвышался силуэт бородатого мужчины, он был полупрозрачен и головой упирался в потолок. Его контуры медленно менялись, расширяясь и колеблясь в такт монотонному голосу монаха, вслух читающего из огромной книги. Я узнал в нём самого Патера И, только гораздо больше размером. Рядом над плечами мотоциклиста колыхалась его же огромная полупрозрачная фигура. Но кроме них в комнате оказалось ещё несколько бестелесных фигур разного роста: от крошечных, как куклы, до почти великанских — как силуэты над молящимися мужчинами. В

комнате стало так тесно, что некуда ступить.

Я зачарованно смотрел на всё это, не понимая, что мне теперь делать. Всё было так странно, но совсем не страшно. Я начал приглядываться внимательнее, стараясь лучше рассмотреть лица. Мне стало так любопытно, что я тогда попробовал сделать шаг в сторону и вдруг понял, что двигаюсь сквозь соседа. В голове пронеслись совершенно незнакомые картинки; это произошло молниеносно и повторялось каждый раз, когда я проходил сквозь кого — то (что — то?), продвигаясь вдоль стены комнаты.

Я сумел переместиться, может, метра на полтора, но с каждым шагом отдаление от места, где я стоял изначально, становилось всё труднее — как будто меня что — то удерживало, будто эспандер связывал меня с исходной точкой и по мере растяжения усиливал сопротивление. Тогда я обернулся и увидел себя самого — бородатого лысого крепыша с прикрытыми глазами, замершего, как восковая фигура в музее мадам Тюссо.

Позже мне объяснили, что в первый — второй — третий раз так и бывает: трудно отдалиться от своего физического тела, как будто оно ещё удерживает тебя, не отпускает.

А потом рядом с собой, замершим позади молящихся, я увидел другой знакомый силуэт и узнал в нём брата. Только я был настоящий, не полупрозрачный, и отбрасывал множественные, теперь почему — то неподвижные тени от свечей на стенах молельной комнатухи. Брат, наоборот, колыхал-

ся и, казалось, был прозрачен. Он стоял как сомнамбула в углу комнаты, поодаль от меня — настоящего, пропорционально уменьшенный раза в два, и внимательно смотрел на меня, как бы ожидая, что я замечу его. И самое удивительное — он оказался внутри другого силуэта, огромного, уходящего вверх. Но я же прекрасно понимал, что моего брата со мной в этой комнате не было. Я чётко знал, что это не он, что реальный остался в монастыре и что это похожее на него нечто — просто модифицированная копия, гротескный бестелесный шарж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.